

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.21>

ГЛАГОЛЬНАЯ РЕДУПЛИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Самсонова Е.М.¹ *¹ ORCID : 0000-0001-7870-3097;¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (samsonova_em[at]mail.ru)

Аннотация

В статье исследуется роль редуцированных глагольных сочетаний в передаче модальной семантики. Цель данной работы заключается в комплексном описании глагольной редупликации как одного из специфических репрезентантов модальности в якутском языке. В рамках структурно-функционального подхода рассмотрены особенности образования данных конструкций и выражаемые ими значения в якутском языке. Установлен перечень устойчивых модальных сочетаний, образованных при помощи как полной редупликации, так и путем сочетания различных форм от одной и той же глагольной основы. Выявлены также универсальные модели образования редуцированных конструкций от различных основ глаголов, участвующие в передаче модальной семантики. Оттенки значений рассмотренных сочетаний включают как субъективное отношение говорящего (одобрение, безразличное допущение, осуждение, возмущение, предположение и т.п.), так и эмоциональное подчеркивание тех или иных характеристик действия.

Ключевые слова: якутский язык, глагол, редупликация, модальность.**VERBAL REDUPLICATION AS A MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN THE YAKUT LANGUAGE**

Research article

Samsonova E.M.¹ *¹ ORCID : 0000-0001-7870-3097;¹ Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

* Corresponding author (samsonova_em[at]mail.ru)

Abstract

The article explores the role of reduplicated verb combinations in conveying modal semantics. The aim of this work is to comprehensively describe verb reduplication as one of the specific representatives of modality in the Yakut language. Within the framework of the structural-functional approach, the specifics of formation of these constructions and the meanings expressed by them in the Yakut language are examined. A list of stable modal combinations formed by means of both full reduplication and by combining different forms from the same verb base has been compiled. The universal models of formation of reduplicated constructions from different verb bases involved in the transmission of modal semantics have also been identified. The nuances of the meanings of the studied combinations include both the subjective attitude of the speaker (approval, indifferent assumption, condemnation, indignation, presumption, etc.) and the emotional emphasizing of particular characteristics of the action.

Keywords: Yakut language, verb, reduplication, modality.**Введение**

Выяснение сущности языковой модальности является исключительно сложной и спорной проблемой, остающейся до сих пор весьма актуальной. Исследование способов ее выражения, несмотря на многочисленные работы в зарубежной и в отечественной лингвистике, продолжает вызывать интерес языковедов к данной проблеме. В современном якутском литературном языке категория модальности также характеризуется определенной степенью изученности. Интерес к модальным словам в якутском языкознании начал проявляться начиная с 40-х гг. XX в. В исследованиях Л.Н. Харитонова [28], [29], Е.И. Убрятовой [26] представлены первые общие сведения о модальных словах и описание их места в простом предложении. Далее лично-отнесенные глагольные формы и конструкции, служащие для выражения модальных значений, стали предметом изучения в работе Е.И. Коркиной [13]. Наиболее полное описание средств выражения модальности, а также разработка теоретических положений о содержании и объеме данной категории в якутском языке представлено в монографических исследованиях Н.Е. Петрова [17], [18], [19], [20]. Им же было отмечено, что в якутском языке среди синтаксических средств образования модальных сочетаний особое место занимает редупликация или удвоение основ слов [18, С. 27].

Поскольку редупликация является одной из разновидностей повтора, то она чаще всего рассматривается в рамках изучения данного явления. Повтор как средство выражения модальности упоминается в исследованиях В.В. Виноградова [4], Н.Ю. Шведовой [30], Ф.Р. Зейналова [11], Р.Г. Сибигагова [22] и др. Среди специальных работ, посвященных модальной семантике повторов, необходимо отметить статьи Г.А. Гиндуллиной [7], Бондаренко Е.И., Лебедевой З.А. [2], Н.Ч. Серээдар [21], Ф.Г. Галлямова [5] и др. В якутском языке, несмотря на наличие ряда работ,

затрагивающих вопрос о модальном значении повтора, данный вопрос, на наш взгляд, также требует более углубленного и детального изучения.

Методы и принципы исследования

В качестве основных методов исследования использованы метод структурно-семантического анализа и функционально-семантический метод. Модальность в рамках функциональной грамматики рассматривается как «комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности» [3, С. 209]. Теоретической и методологической основой работы послужили исследования модальности, редупликации и повтора в отечественном, тюркском и якутском языкознании. Материал статьи извлечен из «Большого толкового словаря якутского языка» (2004-2018) и текстов произведений якутской художественной литературы.

Основные результаты

Редупликация или удвоение, как отмечают исследователи, является «специфическим явлением в якутском языке, которое активно употребляется для передачи экспрессивно-эмоциональной модальности» [18, С. 27]. При этом особое внимание, по мнению Н.Е. Петрова, необходимо обратить на спектр значений и оттенков модальности, выражаемых именно глагольными формами [19, С. 4]. В данной статье мы постарались охватить все модальные сочетания якутского языка, которые образуются посредством удвоения или повтора тех или иных глагольных основ или форм. Как показывает материал исследования, среди подобных глагольных редуплицированных сочетаний с модальной семантикой можно выделить две основные группы – устойчивые редуплицированные модальные сочетания и универсальные модели образования редуплицированных конструкций с тем или иным модальным значением от различных основ глаголов. Рассмотрим подробнее структурные и семантические особенности каждой из них:

1. Среди **устойчивых модальных словосочетаний** по способу образования можно выделить случаи как полной редупликации, так и сочетания различных форм, образованных от одной и той же глагольной основы.

1) выявленные нами глагольные **модальные конструкции, основанные на полной редупликации**, относятся к функционально-модальным сочетаниям, «сохраняющим свое номинативное значение в определенном контексте» и представляющим собой «переходное явление между знаменательными и служебными сочетаниями» [18, С. 36]. Они имеют ограниченное употребление и в предложении выступают как вводный член. К ним относятся следующие случаи полной редупликации:

а) деепричастных форм на *-ан* от *бул-* ‘находить’ (*булан-булан* ‘надо же’) и *кэл-* ‘приходить’ (*кэлэн-кэлэн* ‘в конце-концов’). Сочетание *булан-булан* (досл. ‘нашедши-нашедши’) выражает осуждение говорящим действия, поступка кого-л. [18, С. 181]: *Бачча үтүөкэн алааска булан-булан олорут сириин* [31, С. 260] ‘Надо же, в таком прекрасном аласе мог бы поселиться в местечке и получше’. Или имеет оттенок негодования: *Булан-булан биһиги диэтэх дьону атаастаабыттара абатын!* [31, С. 414] ‘Надо же, как они могли унижить таких людей как мы, обидно-то как!’.

Второе сочетание *кэлэн-кэлэн* (досл. ‘пришедши-пришедши’) выражает такую оценку, согласно которой «высказываемое действие считается совершенным в конце-концов» [18, С. 197-198]: *Кэлэн-кэлэн, офонньор этэрэ бүтэн, хааттаран, балачча тохтоон ылла* [10, С. 261] ‘В конце-концов, старик, исчерпав все, что хотел сказать, надолго замолчал’.

б) модально окрашенного глагола *буолуо* ‘будет’, представляющего собой форму будущего времени от *буол-* ‘быть, становиться’ – сочетание *буолуо-буолуо* (досл. ‘будет-будет’). Оно употребляется в позиции вводного члена или слова-предложения со значением ‘возможно-возможно, вполне возможно’ и выражает «уверенное предположение о возможности осуществления высказанной собеседником мысли с оттенком согласия» [18, С. 183]. Например: *Буолуо-буолуо, кини оннук киһи* [24, С. 535] ‘Вполне возможно, он такой человек’.

в) глагольного модального слова *ыл* ‘ну’. Сочетание *ыл-ыл* ‘ну-ну, давай-давай’ произносится слитно и выражает усиленное побуждение [18, С. 217]: *Ыл-ыл, Токуруйаны ыгыр манна* [1, С. 424] ‘Давай-давай, позови сюда Токурую’.

2) к устойчивым модальным сочетаниям также могут быть отнесены **конструкции, состоящие из разных глагольных форм, образованных от одной и той же глагольной основы**. Например, от *буол-* ‘быть, становиться’:

а) функциональное модальное сочетание *буоллар буоллун* ‘будь что будет’ (досл. ‘если будет, пусть будет’) выражает решимость говорящего и игнорирование им последствий предстоящего поступка или действия. В качестве первого компонента выступает форма условного наклонения, а в качестве второго – форм повелительного наклонения того же глагола: *Буоллар буоллун! Куоластыабын!* [24, С. 531] ‘Будь что будет! Голосуем!’;

б) союзно-модальное сочетание *буолаары буолан* ‘притом еще; к тому же; тем более’ (досл.: чтобы стать ставши), состоящее из деепричастий цели и предшествования, выражает «субъективное присоединение высказываемой мысли к предшествующей в целях дополнительного раскрытия, уточнения, подчеркивания содержания» [18, С. 80]. В семантике данного сочетания Н.Е. Петровым выделяется несколько дополнительных оттенков модальности [18]:

- подчеркивание особого превосходства качества предмета речи: *Айар үлэ – таптал. Буолаары буолан, күүстээх таптал* [24, С. 517] ‘Творчество – это любовь. И притом сильнейшая любовь’;

- нежелательность высказываемой мысли: *Кини билэр дьоно баар сиригэр, буолаары буолан, төрөөбүт нэһилээгэр,... үлэлиир бабата суоҕа* [24, С. 517] ‘Она не хотела бы работать в том месте, где были знакомые ей люди, и уж тем более, в своем родном наслеге’;

- необычность, неожиданность ситуации: *Киһи да күлүөх. Буолаары буолан, бизс мөһөөбү биирдэ сүүтэрбит* [24, С. 517] ‘И смех и грех. Проиграл, и к тому же пятьсот рублей за раз’;

- недопустимость чего-л. в данной ситуации: *Манньык кэмнэ ыксыыр сатаммат, буолаары буолан, биһиэхэ, байыаннай дьонно* [24, С. 517] ‘В такое время нельзя спешить, тем более нам, военным’;

- подчеркивание результатов, превосходящих ожидания: *Специалистарга, буолаары буолан, лаборатория научнай сэминээригэр устудьуон дакылааты онгороо – ханна да сэдэх буолар* [24, С. 517] ‘Редчайший случай, когда студент выступает с докладом перед специалистами, притом еще на научном семинаре лаборатории’.

2. В якутском языке, помимо устойчивых сочетаний, в выражении модальной семантики участвуют следующие универсальные **модели образования редуцированных конструкций** (от различных основ глаголов):

1) сочетания причастий с личными формами глагола или деепричастиями:

а) конструкция «причастная форма настоящего времени в древнем орудном падеже + финитная форма того же глагола + союз *да* (*даҕаны*)», выражающая уступительно-противительное отношение цитируемого фрагмента к последующей мысли [6, С. 206]: *Бэринэрин бэриммэтим да, позициям бэрт түөрэккэй* [8, С. 79] ‘Сдаться-то я не сдался, но позиция моя весьма шаткая’.

При использовании данной конструкции в диалоге могут происходить те или иные изменения в ее структуре и семантике. Выделяют следующие разновидности [6, С. 207]:

- если главная часть предложения опускается, уступительно-противительные отношения становятся потенциальными: *Кырбыырын кырбаабатаҕа да...* ‘Избить-то он не избил, но...’.

- употребление данного сочетания самостоятельно, вне уступительно-противительной конструкции, позволяет выразить уверенное утверждение с некоторым намеком на какое-то обстоятельство, не вполне согласующееся с этим фактом: *Атыылаһарын атыыласпыт* ‘Купить-то он точно купил’.

- в сочетании с частицей *баҕас* передает уверенно-утвердительное значение: *Кыыһыраһын баҕас чахчы кыыһырбыта* ‘Рассердиться-то он точно рассердился’.

б) конструкция «причастие настоящего времени в винительном падеже + частица *баҕас* + личная форма глагола» выражает уверенное утверждение говорящего [6, С. 207]: *Кубаров, утуйары баҕас утуйар аххан бэйэтэ, бөөлүүн хараһын букатын симмэтэ* [8, С. 513] ‘Кубаров, обычно крепко и подолгу спавший, этой ночью не сомкнул глаз’.

в) конструкция «причастие будущего времени в винительном падеже притяжательного склонения + личная форма глагола» передает оценку действия как закономерного и должного [20, С. 260], выражает модальные значения согласия, одобрения или «подчеркивания правильности совершаемого действия со стороны говорящего лица» [12, С. 52]: *«Дьиктиргиэххин дьиктиргиигин», – Аласов сонньуйда* [8, С. 260] ‘«Правильно удивляешься (т.е. есть чему удивляться)», – усмехнулся Аласов’.

г) конструкция «отрицательная форма причастия прошедшего времени в винительном падеже + личная форма глагола» выражает высокую степень или силу проявления состояния и действия [6, С. 207-208]: *Өтөрүнэн долгуйбатаһын долгуйбута* ‘Он давно не испытывал такого волнения’;

Данное причастие в сочетании с глаголом в повелительной форме 3-л. будет выражать эмоциональный отказ от данного действия [6, С. 207-208]: *Аны бу күүлгэ балыктаабатах балыктаатын* ‘Пусть отныне на этом озере никто не рыбачит (досл.: нерыбачивший только рыбачит)’;

д) конструкция «условная форма причастия на *-тах* + личная форма глагола» выражает внутреннее согласие, допущение [6, С. 207-208]: *Өлөхпүнэ өлүүм* ‘Умирать – так пусть умру’;

е) конструкция «причастие будущего времени в орудном падеже притяжательного склонения + личная форма глагола» подчеркивает силу и полноту действия: *Степанида, бүтэһиктээх дьүүлүн кэтэхэр кииһилии киирийиэбинэн киирийбитэ* [8, С. 367] ‘Степанида, подобно человеку, ждущему окончательного приговора, притаилась как только могла’.

2) Сочетания личных форм глагола, образованных от одной и той же глагольной основы:

а) конструкция «условное наклонение + близкое будущее время повелительного наклонения» или сочетание их отрицательных форм выражает безразличное допущение называемого действия [6, С. 208]: *Көмөлөспөтөр көмөлөспөтүн, бэйэбит да бүтэриэхпит* ‘Не желает помогать, пусть не помогает. И сами закончим’;

б) конструкция «близкое будущее время повелительного наклонения + отрицательная форма близкого будущего времени повелительного наклонения» или «близкое будущее время повелительного наклонения + частица *да* + отрицательная форма близкого будущего времени повелительного наклонения» выражает безразличное отношение к высказываемым действиям [20, С. 261]: *Итэбэйи-итэбэйимэ – оннук баара* ‘Верь не верь – было такое’;

в) конструкция «условное наклонение + отрицательная форма условного наклонения + частица *да*» или «условное наклонение + частица *да* + отрицательная форма условного наклонения + частица *да*» выражает отношение независимости в противительной конструкции [20, С. 261]: *Сатаатарбыт-сатаабатарбыт да, син салалта аатыран олодохпунт* [8, С. 232] ‘Хоть умеем, хоть не умеем, но мы как-никак руководством считаемся’;

г) конструкция «условное наклонение + отрицательная форма настояще-будущего или недавнопрошедшего времени» выражает субъективное подчеркивание задержки ожидаемого [6, С. 208]: *Онтон саас буолла, пушка эһинэр-эстибэтэ* [15, С. 537] ‘Затем наступила весна, пушка так еще ни разу не стреляла’;

д) конструкция «форма настояще-будущего времени + отрицательная форма настояще-будущего времени» с измененным конечным гласным (краткий гласный заменяется на долгий или дифтонг) в обоих компонентах передает возмущение, гнев и сетование говорящего [20, С. 262] и чаще всего используется в предложениях с высоким тоном эмоциональности: *Көхсүгэр хамыйах хаана суох, Көндөй кииһигэһи Көрөллөөр-көрбөттөөр!* [16, С. 227] ‘Видят или не видят этого пустого хвастуна, не имеющего никакой силы’;

е) конструкция «условное наклонение + настояще-будущее время» подчеркивает нарастающую интенсивность действия [6, С. 209], измеряемую по субъективным общностям: *Быыкаайык балаһан иһэ кэнээтэр-кэншир, үрдээтэр-үрдүүр, кизэргэйдэр-киэргэйдэр* [15, С. 27] ‘(В его мыслях) Внутренность крошечной юрты становится все шире и шире, выше и выше, краше и краше’;

ж) «настояще-будущее время + настояще будущее время + союз *да*» в составе противительной конструкции подчеркивает длительность, постоянство, но безрезультатность действия [20, С. 262]: *Саллар сааһым тухары*

үлэлибин-үлэлибин да, баай хотонуттан тахсыбаппын дии [15, С. 228] ‘Я всю свою жизнь работую-работую, но не могу выйти из байского хлева’;

з) конструкция «настояще-будущее время + частица *эрэ* + настояще-будущее время + частица *эрэ*» передает сомнение говорящего в осуществлении действия или состояния [6, С. 209]: *Кэлэр эрэ, кэлбэт эрэ – билбэтим* ‘Придет ли, не придет ли – не знаю’;

и) конструкция «недавнопрошедшее время + частица *уни* + отрицательная форма недавнопрошедшего времени + частица *уни*» служит для эмоционального подчеркивания продолжительности и многократности совершения высказываемого действия [6, С. 209]: *Ожо эрдэхпинэ бу суолунан сырыттым уни, сылдыбатым уни* [25, С. 683] ‘Сколько уж я проходил (досл.: ходил и не ходил) в детстве по этой дороге’;

к) конструкция «личная форма глагола + частица *да* + дичная форма глагола» выражает продолжительность и интенсивность действия [6, С. 212]: *Кини Сергей Петровиһы эмиэ хайгыыр да хайгыыр* [8, С. 395] ‘Он Сергея Петровича тоже хвалит – не нахвалится (досл.: хвалит да хвалит)’.

3) Сочетания деепричастных словоформ, образованных от одной и той же основы:

а) конструкция «прошедшее категорическое (недавнопрошедшее) время + деепричастие на *-аат*» подчеркивает совершение действия сразу, тут же [20, С. 263], усиливается значение быстрого следования событий [14, С. 64]: *Эн, кэллэ-кэлээт, итинник түмүгү онгорор бырааптаахпын дии санаһын дуо?* [8, С. 281] ‘Ты, только приехав, думаешь, что имеешь право делать такой вывод?’;

б) конструкция «деепричастие на *-ан* + деепричастие на *-аары*» призвана акцентировать особую результативность действия: *Хаар түһэн никситэн кэбистэ. Түһээри түһэн, өлгөмнүк түстэ* [23, С. 152] ‘Внезапно повалил снег. К тому же повалил очень обильно’.

4) Сочетания наречий с деепричастиями, образованные от общей глагольной основы:

а) конструкция «отглагольное наречие на *-яхча* + отрицательное деепричастие на *-бакка*» передает, что второстепенное, характеризующее действие чуть было не произошло [6, С. 210]: *Ол курдук өлүөхчэ-өлбөккө сылдьан, Өлөксөй хааман түөрэнгэлээтэ* [15, С. 15] ‘Вот так, чуть не умерев (досл.: умирая-не умирая), Алексей начал делать первые шаги’;

б) конструкция «отглагольное наречие на *-дыы (-тыы)* + деепричастие на *-аары*» подчеркивает серьезность намерения субъекта совершить какое-л. действие: *Хайаан да хайгыырдыы хайбаары туруммуттар* [27, С. 80] ‘Они вознамерились во что бы то ни стало расхвалить ее как следует’.

5) Отдельно выделяются сочетания однокоренных словоформ, выступающие как наречия. Некоторые из них имеют модальное значение:

а) конструкция «причастие на *-быт* притяжательного склонения + причастие на *-быт* в форме орудного падежа» выражает подчеркивание говорящим продолжительного пребывания кого-чего-л. в каком-нибудь состоянии: *Бу алдыаммыта алдыаммытынан сылдьар* [15, С. 233] ‘Эта как порвалась, так и осталась порванной’;

б) конструкция «прошедшее категорическое (недавнопрошедшее) время + причастие на *-быт* в форме орудного падежа» служит для привлечения внимания к постоянности и неизменности какого-нибудь состояния: *Сытта-сытпытынан Сыттыан эрэбин!* [9, С. 7] ‘Ты начинаешь гнить лежа лежмя’.

Заключение

Таким образом, анализ сочетаний, образованных путем удвоения глагольной основы, показал, что данное средство может считаться одним из активно используемых и продуктивных синтаксических средств выражения модальности в якутском языке. В качестве специфических репрезентантов выступают некоторые устойчивые функционально-модальные сочетания, образованные при помощи полной редупликации деепричастий и модальных глаголов (*булан-булан, кэлэн-кэлэн, буолуо-буолуо, ыл-ыл*), так и путем сочетания различных форм наклонений и деепричастий, образованных от одной и той же глагольной основы (*буоллар буоллун, буолаары буолан*). Выявлены также универсальные модели образования редуплицированных конструкций от различных основ глаголов, участвующие в выражении модальной семантики. К ним относятся сочетания причастий с личными формами глагола или деепричастиями, наклонений глагола с его временными либо отрицательными формами, разновидностей деепричастий и их сочетаний с отглагольными наречиями. Семантика рассмотренных конструкций включает широкий спектр оттенков значений, начиная с субъективного отношения говорящего (одобрение, безразличное допущение, осуждение, возмущение, предположение и т.п.), заканчивая эмоциональным подчеркиванием тех или иных характеристик действия. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении особенностей функционирования указанных моделей образования редуплицированных конструкций в зависимости от лексико-семантической принадлежности глагольной основы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2017. — Т. XIV. — 592 с.
2. Бондаренко Е.И. Модально-эмоциональное значение некоторых типов повторов / Е.И. Бондаренко, З.А. Лебедева // Университетские чтения-2015: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Ч.2. — Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2015. — С. 183-195.
3. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 336 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1975. — 416 с.
5. Галлямов Ф.Г. Повторы и однородные члены предложения / Ф.Г. Галлямов // Наука, образование, общество. — 2016. — №1. — С. 216-223.
6. Убрятова Е.И. Грамматика современного якутского литературного языка. Т.2. Синтаксис / Е.И. Убрятова, Н.Е. Петров, Н.Н. Неустроев [и др.] — Новосибирск: Наука, 1995. — 336 с.
7. Гиндуллина Г.А. Глагольные повторы как выразители модальности в татарском языке / Г.А. Гиндуллина // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. — Уфа: Издательство БГПУ, 2012. — С. 202-205.
8. Данилов Софр. П. Сүрэх тэбэрин тухары / Софр. П. Данилов. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1967. — 608 с.
9. Ермолаев Р.Д. Багатайский. Тыһыынча бытархайтан: басни и фельетоны / Р.Д. Ермолаев. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1980. — 95 с.
10. Заболоцкий Н.М. Күн да уһун / Н.М. Заболоцкий. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1968. — 488 с.
11. Зейналов Ф.Р. Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках / Ф.Р. Зейналов // Советская тюркология. — 1970. — №2. — С. 95-101.
12. Коркина Е.И. Аналитические конструкции в составе причастной формы на -ыхпын и функционально-модальных глаголов в якутском языке / Е.И. Коркина // Якутский филологический сборник: сборник научных трудов. — Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1976. — С. 42-52.
13. Коркина Е. И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке / Е.И. Коркина. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1979. — 104 с.
14. Коркина Е. И. Деепричастия в якутском языке / Е.И. Коркина. — Новосибирск: Наука, 1985. — 204 с.
15. Мординов Н.Е. Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм / Н.Е. Мординов. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1963. — 682 с.
16. Новиков В.М. Күннүк Уурастыырап. Тойон Дьабырыма: олонхо / В.М. Новиков. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1959. — 328 с.
17. Петров Н.Е. Модальные слова в якутском языке / Н.Е. Петров. — Новосибирск: Наука, 1984. — 206 с.
18. Петров Н.Е. Модальные сочетания в якутском языке / Н.Е. Петров. — М.: Наука, 1988. — 280 с.
19. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности / Н.Е. Петров. — Новосибирск: Наука, 1982. — 160 с.
20. Петров Н.Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке / Н.Е. Петров. — Новосибирск: Наука, 1999. — 287 с.
21. Серээдар Н.Ч. Повторение предиката в элементарном простом предложении тувинского языка / Н.Ч. Серээдар // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. — 2015. — №1. — С. 232-235.
22. Сибгатов Р. Г. Модальность как структурно-семантическое единство / Р.Г. Сибгатов // Советская тюркология. — 1978. — №4. — С. 21-30.
23. Соловьев В.С. Болот Боотур. Уһуктуу / В.С. Соловьев. — Кн.1. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1975. — 374 с.
24. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. / Под ред. П.А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2005. — Т. II. — 912 с.
25. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. / Под ред. П.А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2006. — Т. III. — 844 с.
26. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка: Простое предложение / Е.И. Убрятова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 304 с.
27. Федотов С.П. Сүрэх / С.П. Федотов. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1968. — 84 с.
28. Харитонов Л.Н. Неизменяемые слова в якутском языке / Л.Н. Харитонов. — Якутск: Госиздат ЯАССР, 1943. — 88 с.
29. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Ч.1.: Фонетика и морфология / Л.Н. Харитонов. — Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. — 320 с.
30. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 377 с.
31. Яковлев В.С. Далан. Тыгын Дархан / В.С. Яковлев. — Якутск: Бичик, 1993. — 520 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [A large Explanatory Dictionary of the Yakut Language]: in 15 volumes / edited by P. A. Sleptsov. — Novosibirsk: Nauka, 2017. — Vol. XIV. — 592 p. [in Russian]
2. Bondarenko E.I. Modal'no-jemocional'noe znachenie nekotoryh tipov povtorov [Modal-emotional Meaning of Some Types of Repetitions] / E.I. Bondarenko, Z.A. Lebedeva // Universitetskie chtenija-2015: Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU [University Readings-2015: Materials of Scientific and Methodological Readings of PSLU]. Part 2. — Pyatigorsk: Publishing House of PGLU, 2015. — pp. 183-195. [in Russian]

3. Bondarko A.V. Glagol'nye kategorii v sisteme funkcional'noj grammatiki [Verbal Categories in the System of Functional Grammar] / A.V. Bondarko. — M.: Publishing House YASK, 2017. — 336 p. [in Russian]
4. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Issledovanija po russskoj grammatike [Selected Works. Studies on Russian Grammar] / V.V. Vinogradov. — M.: Nauka, 1975. — 416 p. [in Russian]
5. Gallyamov F.G. Povtory i odnorodnye chleny predlozhenija [Repetitions and Homogeneous Members of the Sentence] / F.G. Gallyamov // Nauka, obrazovanie, obshhestvo [Science, Education, Society]. — 2016. — No.1. — pp. 216-223. [in Russian]
6. Ubryatova E.I. Grammatika sovremennoho jakutskogo literaturnogo jazyka. T.2. Sintaksis [Grammar of the Modern Yakut Literary Language. Vol.2. Syntax] / E.I. Ubryatova, N.E. Petrov, N.N. Neustroev [et al.]. — Novosibirsk: Nauka, 1995. — 336 p. [in Russian]
7. Gindullina G.A. Glagol'nye povtory kak vyraziteli modal'nosti v tatarskom jazyke [Verbal Repetitions as Expressions of Modality in the Tatar Language] / G.A. Gindullina // Gumanisticheskoe nasledie prosvetitelej v kul'ture i obrazovanii [Humanistic Heritage of Enlighteners in Culture and Education]. — Ufa: BSPU Publishing House, 2012. — pp. 202-205. [in Russian]
8. Danilov Sofr.P. Sureh teberin tukhary [While the Heart is Beating] / Sofr. P. Danilov. — Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1967. — 608 p. [in Yakut]
9. Ermolaev R.D. Bagataysky. Tyhyncha bytarhaitan [From a Thousand Little Things: Fables and Feuilletons] / R.D. Ermolaev. — Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1980. — 95 p. [in Yakut]
10. Zabolotsky N.M. Kun da uhun [A long day]: Stories, Novellas, Essays and Memoirs / N.M. Zabolotsky. — Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1968. — 488 p. [in Yakut]
11. Zeynalov F.R. Kategorija modal'nosti i sposoby ee vyrazhenija v tjurkskih jazykah [The Category of Modality and Ways of its Expression in the Turkic Languages] / F.R. Zeynalov // Sovetskaja tjurkologija [Soviet Turkology]. — 1970. — No. 2. — pp. 95-101. [in Russian]
12. Korkina E.I. Analiticheskie konstrukcii v sostave prichastnoj formy na -yahpyn i funkcional'no-modal'nyh glagolov v jakutskom jazyke [Analytical Constructions as Part of the Participial Form of Na-yahpyn and Functional-modal Verbs in the Yakut Language] / E.I. Korkina // Jakutskij filologicheskij sbornik: sbornik nauchnyh trudov [Yakut Philological Collection: a collection of scientific papers]. — Yakutsk: YAF SB OF the USSR Academy of Sciences, 1976. — pp. 42-52. [in Russian]
13. Korkina E. I. Glagol'nye lichno-otnesennye modal'nye konstrukcii v jakutskom jazyke [Verb Personally-related Modal Constructions in the Yakut Language] / E.I. Korkina. — Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1979. — 104 p. [in Russian]
14. Korkina E. I. Deeprichastija v jakutskom jazyke [Adverbs in the Yakut Language] / E.I. Korkina. — Novosibirsk: Nauka, 1985. — 204 p. [in Russian]
15. Mordinov N.E. Amma Achchygyya. Saasky cam [Springtime] / N.E. Mordinov. — Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1963. — 682 p. [in Yakut]
16. Novikov V.M. - Kunnuk Uurastyrap. Toyon D'yaryma: olonkho [Blacksmithing. Mr. D'harma] / V.M. Novikov. — Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1959. — 328 p. [in Yakut]
17. Petrov N.E. Modal'nye slova v jakutskom jazyke [Modal Words in the Yakut Language] / N.E. Petrov. — Novosibirsk: Nauka, 1984. — 206 p. [in Russian]
18. Petrov N.E. Modal'nye sochetanija v jakutskom jazyke [Modal Combinations in the Yakut Language] / N.E. Petrov. — M.: Nauka, 1988. — 280 p. [in Russian]
19. Petrov N.E. O sodержanii i ob'eme jazykovoju modal'nosti [On the Content and Scope of Language Modality] / N.E. Petrov. — Novosibirsk: Nauka, 1982. — 160 p. [in Russian]
20. Petrov N.E. Sintaksicheskie sredstva vyrazhenija modal'nosti v jakutskom jazyke [Syntactic Means of Expressing Modality in the Yakut Language] / N.E. Petrov. — Novosibirsk: Nauka, 1999. — 287 p. [in Russian]
21. Sereedar N.Ch. Povtorenie predikata v jelementarnom prostom predlozhenii tuvinskogo jazyka [Repetition of a Predicate in an Elementary Simple Sentence of the Tuvan Language] / N.Ch. Sereedar // Vestnik Bashkirskogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie [Bulletin of the Bashkir University. Philology and Art History]. — 2015. — No. 1. — pp. 232-235. [in Russian]
22. Sibagatov R. G. Modal'nost' kak strukturno-semanticheskoe edinstvo [Modality as a Structural and Semantic Unity] / R.G. Sibagatov // Sovetskaja tjurkologij [Soviet Turkology]. — 1978. — No. 4. — pp. 21-30. [in Russian]
23. Soloviev V.S. Bolot Bootur. Uhuktuu [Awakening] / V.S. Solovyov. — Book.1. — Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1975. — 374 p. [in Yakut]
24. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Sakha tylyn byhaarylah tyldyt]: in 15 vols. / Edited by P.A. Sleptsov. — Novosibirsk: Nauka, 2005. — Vol. II. — 912 p. [in Russian]
25. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Sakha tylyn byhaarylah tyldyt]: in 15 vols. / Edited by P.A. Sleptsov. — Novosibirsk: Nauka, 2006. — Vol. III. — 844 p. [in Russian]
26. Ubryatova E.I. Issledovanija po sintaksisu jakutskogo jazyka: Prostoe predlozhenie [Studies on the Syntax of the Yakut Language: A Simple Sentence] / E.I. Ubryatova. — M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. — 304 p. [in Russian]
27. Fedotov S.P. Sureh [Heart] / S.P. Fedotov. — Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1968. — 84 p. [in Yakut]
28. Kharitonov L.N. Neizmenjaemye slova v jakutskom jazyke [Immutable Words in the Yakut Language] / L.N. Kharitonov. — Yakutsk: Gosizdat YAASSR, 1943. — 88 p. [in Russian]
29. Kharitonov L.N. Sovremennyj jakutskij jazyk. Ch.1.: Fonetika i morfologija [Modern Yakut Language. Part 1.: Phonetics and Morphology] / L.N. Kharitonov. — Yakutsk: Gosizdat YAASSR, 1947. — 320 p. [in Russian]
30. Shvedova N.Yu. Oчерki po sintaksisu russskoj razgovornoj rechi [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech] / N.Yu. Shvedova. — M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. — 377 p. [in Russian]

31. Yakovlev V.S. Dalan. Tygyn Darkhan [Dalia. Cork Darkhan] / V.S. Yakovlev. — Yakutsk: Bichik, 1993. — 520 p. [in Yakut]